

Георгий Александрович ТОВСТОНОГОВ

Лит. газ. - 1989 - 31 мар. (№22) - с. 8.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Внезапная его смерть потрясла, произвела огушительное впечатление. Слова никнут, распадаются... После смерти моих родителей это самая тяжкая моя личная потеря, то же самое переживают и мои друзья. Я обязан ему всем, всей жизнью в театре, а без театра и жизни-то для меня нет. Убежден: то же самое скажут и все «товстоноговцы», и многие другие птенцы его гнезда... Сейчас (пишу наутро после ужасного сообщения) трудно найти нужные слова. Да их и нет, наверное. Весь мир театра называл наш ленинградский БДТ «товстоноговским». Советский театр переживал и переживает сложные времена, но где бы ни ставились в нашей стране спектакли и какие бы неудачи ни обрушивались на людей сцены, Товстоногов был в течение тридцати лет неоспоримым критерием уровня, качества культуры, мысли. Есть Товстоногов — и нам легче! Это ощущение не покидало людей театра.

Товстоногов, его творчество, его театр не пережили какой-то особой театральной «эпохи застоя». Не было этого! БДТ под его руководством создал десятки первоклассных, выдающихся сценических произведений, вырастил десятки крупнейших актеров. Без ложной скромности: наш театр десятилетиями был оазисом перестройки задолго до ее наступления.

Он был для нас, его актеров и учеников, непрекращаемым авторитетом. Его эрудиция, культура всегда восхищали нас. Он как-то назвал социальную структуру нашего театра «добровольной диктатурой». И мы с радостью и гордостью уступили ему полноту власти. Ибо он был одержим театром, кроме театра, не знал ничего, он был полон достоинства, не терпел цинизма. Мы каждый день чувствовали, что занимаемся серьезным делом, не суемились, не бежим куда-то, но делаем искусство.

В моей жизни было всякое, меня приглашали в другие театры, бывали и предложения весьма лестные, но никогда во мне не шевельнулась мысль уйти. Это значило бы все равно, что предать самого себя. Мое счастье, моя пожизненная удача, что с самого первого дня его прихода в БДТ тридцать три года моей актерской жизни, моей общественной работы прошли рядом с этим удивительным человеком, великим художником!

Кирилл ЛАВРОВ

...Знал, что болен, что физически уже не тот, сам он прошлым летом сокрушался, говорил: боюсь, что меня уже не хватит, чтобы поставить спектакль от начала до конца... Но как-то пропусклось это мимо ушей. Уж очень давно в представлении людей театра, и не только в нашей стране, он сделался символом его устойчивости, каждый вечер исчезающей, но — вечности.

Мы были дружны, одинаково мыслили, хотя и расходились порой в оценках, но он был чужд амикошества, исполнен внутреннего достоинства и, как никто, умел сохранять дистанцию между собой и собеседником. Был целостным, законченным миром и существовал как-то одновременно и в дне нынешнем, и в истории. Сам он об этом не слишком-то догадывался, но связь свою с исторической культурой русского и мирового театра ощущал постоянно. Раскрывался он в работе, в репетиции, в построении спектакля. Тут торжествовал его азарт, грузинский темперамент, русская истовость, тонкий южный юмор. Он верил в актера, давал ему простор, обожал способность к импровизации — так он и воспитал свою труппу. При академической сдержанности в повседневных контактах, как ребенок, любил игру... Ах, как он рассказывал анекдоты! Он их ставил как режиссер и играл как актер...

Что же все-таки отличало его? В чем секрет столь длительного успеха его театра? Не только в великом его таланте — думаю, в том еще, что он обладал тайной золотого сечения на театре. Его лучшие спектакли — а их десятки — завершены и гармоничны. Он умел соединить автора, актера и зрителя так, как никто.

Он пришел в 1956 году в БДТ. И, как Ефремов в «Современнике», Любимов на Таганке, Эфрос в Ленкоме и на Малой Бронной, он вернул театру его общественную роль. Тяготая к классике и совершив в ней ряд открытий («Спектакль о прошлом, поставленный сегодня!» — вот его формула), он не чуждался и современной формы. Все его спектакли подчинены здравому смыслу, легко усваиваются зрителем и находят простые объяснения. И, однако, таят в себе неисчерпаемые глубины.

Вокруг его творчества создалась огромная литература. Многие мои товарищи по профессии театрального критика могут сказать, как и я, что он делал наши статьи талантливее, он позволял нам, приближаясь к постижению театра, в то же время уходить в обширные сферы культуры, философии, политики, истории... Хорошо бы издать лучшее, что о нем написано!

Сейчас говорят о восстановлении традиции антрепренеров. А он и соединял в своем лице режиссера и эту профессию. Применяя старинное российское театральное выражение, он держал театр. И делал это уверенно и сильно.

Рассказали: он умер за рулем, в одночасье. После долгого перерыва сел в свою машину и поехал после худсовета домой. У памятника Суворову при въезде на Кировский мост стало ему худо. Так за рулем и умер.

Александр СВОБОДИН